

Она хочет, чтобы он навсегда стал монахом?

При мысли об этом Чжоу Цинбай нахмурился. Это определенно было неприемлемо. Это ненормально, когда муж и жена не вступают в половую связь.

Не нужно сомневаться в этом, это было ненормально!

Но он не мог получить одобрения своей жены.

Чжоу Цинбай уставился на двух хорошо упитанных свиней и немного забеспокоился.

Это беспокоило не только Чжоу Цинбая, Линь Цинхэ была еще более встревожена. Уже наступила весна. Позавчера, когда она пошла за мясом, сестра Мэй поинтересовалась у нее, когда она начнет его перепродавать. Линь Цинхэ-то была готова, но Чжоу Цинбай не позволял ей это делать.

Кстати говоря, Линь Цинхэ очень восхищалась Чжоу Цинбаем в этом аспекте. Он перенес все эти страдания и все еще мог сохранить свое упорство. Это был настоящий навык.

Однако у нее нет времени, чтобы тратить его впустую, поэтому Линь Цинхэ намерена дать ему попробовать морковку сегодня вечером и заставить его кивнуть в знак согласия!

Верно. С древних времен чувственная долина ведет к могиле героя, так как схема медовой ловушки никогда не подводит.

Она даст ему какую-то выгоду, и если он откажется согласиться, она отвернется от него!

Линь Цинхэ приняла решение и наполнила корзину дикорастущими овощами.

Эти дикорастущие овощи были особенно хороши для употребления в пищу или кормления свиней.

Эти дикие овощи были отличным кормом для свиней.

Линь Цинхэ планировала кормить свиней овощами, для того что бы сохранить свое зерно. Поскольку свиньи принадлежали команде и уже нарастили мясо, не было необходимости продолжать кормить их зерном.

Накопав корзину диких овощей, Линь Цинхэ повела детей домой. Было чуть больше девяти часов. Чжоу Цинбай в это время уже ушел на работу.

Линь Цинхэ сделала пельмени со свиной и пастушьей сумкой и отложила немного на ужин сегодня вечером. Остатки диких овощей она скормила свиньям. Надо было так же дать им немного неорганической соли.

Дом сегодня были только Линь Цинхэ, Эрва и Саньва. А Дава? Как только весной открылась школа, он пошел учиться. Чжоу Цинбай лично отвез его туда.

После того, как Линь Цинхэ обучала его всю зиму, Дава мог идти в ногу со своими сверстниками. Линь Цинхэ не беспокоилась об этом.

Чтобы ребенку удобнее было ходить в школу, она сшила ему школьную сумку. Линь Цинхэ не хотела отдавать ему военную сумку его отца, потому что не хотела, чтобы он испортил ее.

Только что сшитый школьный рюкзак привел Дава в восторг. Без дополнительного давления со стороны матери он с удовольствием пошел за отцом.

С начала весны и до сегодняшнего дня, Дава очень хорошо адаптировался к школе.

В полдень он возвращался из школы. В то же время Чжоу Цинбай уходил с работы.

В этот период Линь Цинхэ очень уставала. Она не обращала внимания на Дава, но была внимательна к Чжоу Цинбаю, который поддерживал всю семью.

Сегодня она приготовила прохладную воду для умывания для лица, а также теплую воду.

Чжоу Цинбай понял характер своей жены с тех пор, как вернулся. Она была по-настоящему гордая. Если бы он хотел, чтобы она склонила голову, он ничего бы не добился.

Поэтому судя по ее сегодняшнему вдумчивому поступку, было очевидно, что она чего-то хотела.

«Неужели она намеревается нанести мне последний удар? Смогу ли я вынести нежный нож своей жены?»

Но что бы ни думал этот мужчина, он был очень спокоен и наслаждался тщательной заботой Линь Цинхэ.

На обед были пельмени из свинины и пастушьей сумки. Вкус был действительно восхитительным и свежим.

В этот раз пастушья сумка была действительно ароматной и нежной. Линь Цинхэ тоже любила

ее есть.

После того как семья насытилась, у них начался полуденный перерыв. Линь Цинхэ стала проверять то, что Дава узнал утром, затем закрепила полученные им знания и наконец, задала ему несколько вопросов.

— Тц, мама, почему я чувствую, что ты умеешь задавать вопросы лучше, чем наш учитель, — вздохнул Чжоу Дава, услышав эти трудные вопросы.

Линь Цинхэ подумала: «Это была важная часть моей жизни, жизни твоей матери. Мой общий балл на вступительных экзаменах в колледж составил более шестисот. Во время учебы в колледже я была лучшей ученицей, которая получала стипендию в рамках программы «Работа-учеба»».

Однако вслух сказала:

— Цени свой шанс учиться сейчас. Ты не знаешь, как сильно твоя мама тогда хотела учиться, но твои дедушка и бабушка не позволили ей. После мне пришлось, узнавать все проходя через кучу трудностей, как слепой с открытыми глазами.

Услышав это, Чжоу Цинбай не мог не посмотреть на нее. Он знал, что его жена умеет писать. Когда они только встретились, она упомянула об этом, но за столько лет она ни разу не написала ему ни одного письма.

Он видел это, ее слова были очень прекрасны. Даже средняя студентка колледжа не могла бы написать слова так красиво.

Хотя Чжоу Цинбай ничего не сказал, Линь Цинхэ поняла, что означал его взгляд.

Девушка только мельком взглянула на него, а затем отвела взгляд, сделав вид что «она ничего не знает». Лично она этого не делала, так почему же тогда должна брать вину на себя?

П.р.: имеется в виду, что писем не писала первоначальная владелица, и настоящая Линь Цинхэ не может отвечать за ее поступки.

Но взгляд мужчины за ее спиной был слишком пристальным, заставляя ее нервничать и чувствовать себя неловко.

— Сейчас становится довольно тепло, вы, братья, будете спать в комнате по соседству, — сказала, кашлянув, Линь Цинхэ.

Как только эти слова прозвучали, она почувствовала, что взгляд мужчины стал еще более

тревожным.

Дава первым запротестовал:

— Я хочу спать здесь!

— Я слышал, Яньян сказал, что он спит со своими отцом и матерью, — сказал Эрва.

Яньян — это Чжоу Ян, сын старшей невестки.

— У Яньяна нет выбора. Есть только один кан. У нашей семьи их два. Мы не можем позволить ему собирать пыль, — сказала правду Линь Цинхэ.

— А как насчет Саньва? — заметил Дава.

— Ты сравниваешь себя с младшим братом, который не может говорить. Действительно? — с презрением высказалась Линь Цинхэ.

Дава сразу же нечего было сказать. Он пнул Эрва, жестом приказав ему сказать несколько слов.

— Мама, ты не можешь хорошо относиться только к Саньва. Ты родила всех нас, — сказал Эрва.

— Хорошо, Саньва спит с тобой вон там. Если он намочит постель, и ты посмеешь ударить его, я ударю тебя! — фыркнула Линь Цинхэ.

С тех пор как она переселилась, Саньва дважды намочил постель. Это было всего два раза, но это попало на штаны Дава, а также испачкало Эрва. Братья были так злы, что хотели ударить Саньва.

Дава не забыл об этом, поэтому сказал:

— Забудь об этом. Пусть он поспит здесь.

— Саньва вполне может спать здесь. Мы с моим старшим братом ляжем спать по соседству, — кивнул Эрва.

Саньва обнял свою мать, выразив свое нежелание спать с братьями. Он хотел спать со своей матерью.

— Хорошо, на том и порешим, — заявила Линь Цинхэ.

Как только она подняла глаза, то встретила с глубоким взглядом Чжоу Цинбая. Сердцебиение Линь Цинхэ несколько ускорилось. Со спокойным лицом она сказала:

— На что ты смотришь? Разве ты не видел этого раньше?

— Иди делай уроки в соседней комнате, — приказал Чжоу Цинбай Дава.

Дава посмотрел на своего отца и почувствовал, что на этот раз не сможет добиться своего, поэтому сразу же взял свое домашнее задание и ушел. Эрва увидел, что его отец оглядывается на него, и решил выйти из комнаты, однако его отец заговорил:

— Забери своего младшего брата.

— Нет, он будет приставать ко мне!

Дава тоже кивнул.

Однако, как бы он ни протестовал, Эрва привел Саньва в комнату. Конечно же, малыш сразу же потребовал у него ручку и тетрадь, чтобы писать и рисовать самому, иначе он бы заплакал!

— Теперь я вспомнила. Я еще не вымыла кастрюлю, — попробовала сбежать Линь Цинхэ. Взгляд мужчины горел так сильно, что мог обжечь людей!

— Я вымыл ее.

Чжоу Цинбай потянул за руку Линь Цинхэ. Она развернулась и приземлилась в его объятия.